

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ: СУБЪЕКТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА И СУБЪЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Мозговая А. В. (Москва)

Аннотация. В статье обосновываются научные и практические возможности подхода к пониманию сущности коррупции и противодействия коррупционному поведению на основе социологической концептуализации риска. Рост научного и практического интереса к проблемам адаптации и управления рисками автор связывает с трансформационными процессами. Коррупция по своей природе является социальной дисфункцией, высшей формой проявления криминализации общественных отношений, выступая таким образом сильнейшим социальным риском, угрозой стратегического характера. Исходя из признаков идентификации риска, автор представляет коррупцию как субъект-субъектные отношения, целью которых является снижение неопределенности, вклад в позитивность результата посредством определенного ресурса. Возможности такого подхода иллюстрируются данными двух социологических исследований и позволяют обосновать продуктивность построения ряда целевых антикоррупционных программ для конкретных социальных слоев при непосредственном общественном участии гражданского общества.

Ключевые слова: коррупция, риски, противодействие, уязвимость, ресурсы, общественное участие.

Как объект научного анализа феномен коррупции интересует целый ряд дисциплин и направлений от экономического знания до социально-психологических аспектов этого явления. Результаты исследований, безусловно, помогают практике противодействия коррупции на различных уровнях российского общества. Полагаем, взгляд на сущность этого явления с точки зрения социологии риска может внести свой вклад в снижение уязвимости общества перед коррупционными угрозами.

Системный характер и ускорение темпов формирования, функционирования, изменения факторов социальной среды обостряют интерес и социальную значимость результатов исследований различных аспектов рисков, усиленных к тому же трансформационными процессами в социальном пространстве

современного российского общества. Состояние трансформирующегося российского общества можно охарактеризовать как этап перехода от разработки моделей адаптации к рискам с целью *выживания* к адаптационной стратегии, направленной на *развитие* материального и духовного потенциала общества, на интеграцию, в отличие от разобщенности.

На этом этапе крайне важна научная рефлексия социального и экономического самочувствия различных категорий населения страны, в частности установок и позиций относительно способности институциональной среды, с одной стороны, и гражданского общества, с другой стороны, справиться с социальными рисками, один из которых – коррупция. В основе коррупции лежит возможность использования чиновниками своего служебного положения для получения той или иной личной выгоды. Коррупционное взаимодействие в условиях системной социально-экономической трансформации содержит в себе огромный объем рисков различной природы и направленности. Сущностное зло коррупции состоит не в объеме материальных средств, а в формировании самовоспроизводящихся коррупционных связей и отношений. Разовая взятка перерастает в систему обмена услугами и приводит в конечном итоге к практике длительного и устойчивого сотрудничества или «неформальному контракт-отношению ... взаимной стратегической и тактической поддержке» [5]. Коррупция по своей природе является социальной дисфункцией, высшей формой проявления криминализации общественных отношений, выступая таким образом сильнейшим социальным риском, угрозой стратегического характера. Тем тревожнее данные исследований, показывающие, что значительная доля граждан в целом и предпринимательского сообщества в особенности толерантно относятся к нарушению несправедливых с их точки зрения законов [4; 5].

Основные признаки, позволяющие идентифицировать то или иное явление, событие, процесс как риск, – это неопределенность по отношению к позитивному результату деятельности или отношений и уязвимость субъектов, добровольно или вынужденно вовлеченных в эту деятельность или отношения. В границах такого понимания коррупцию можно представить как субъект-субъектные отношения, целью которых является снижение неопределенности, вклад в позитивность результата посредством определенного ресурса. Являясь своеобразным, сомнительным с точки зрения моральных норм, но действенным в

определенных обстоятельствах механизмом формирования «порядка» из «хаоса» на одном уровне, в одной сфере жизнедеятельности общества, коррупционное взаимодействие обуславливает целый ряд рисков в других сферах жизнедеятельности общества, зачастую подрывая его фундаментальные основы.

Коррупционное взаимодействие имеет внутреннюю логику, которая позволяет таким субъект-субъектным отношениям воспроизводиться даже при изменении политического контекста, трансформации социально-экономического пространства. С этой логикой целесообразно соотносить стратегию и определять субъектов противодействия коррупционному поведению. Социальная функция противодействия коррупции состоит в минимизации рискогенности институциональной среды, повышении защищенности и комфортности социального самочувствия в жизненном мире человека. Направленность противодействия коррупционному риску должна идти по меньшей мере по двум векторам: снижение вероятности негативного результата и снижение степени уязвимости социальных субъектов в социально значимых областях и процессах. И то и другое находятся в компетенции законодательной и исполнительной власти, однако в коррупционное взаимодействие «втянуто» значительное количество обывателей, рядовых граждан, а уровень их адаптации к среде, производящей риски коррупции, очень высок, четкая граница между корруптивным и нормальным отсутствует [3]. Хотя коррупция осуждается в принципе, многие ее проявления в повседневной жизни обывателями рассматриваются как человеческие отношения [1].

Повседневность коррупционного взаимодействия представляет основное условие его воспроизводства, и именно на это пространство повседневности целесообразно направить антикоррупционные усилия. Имеется достаточно много данных опросов населения, которые показывают крайне низкий уровень обобщенных оценок заинтересованности институциональной среды в реальной борьбе с коррупцией. Воспроизводству повседневных коррупционных связей способствуют не столько установки рядовых граждан, сколько восприятие и отношение к феномену коррупции управленцев и функционеров, так называемых менеджеров реального сектора производства и обслуживания, госслужащих среднего звена. Полагаем, представители этого социального слоя выступают субъектом

коррупционного взаимодействия, выполняя специфическую функцию реального воспроизводства разработанных на более высоких уровнях социальной иерархии схем. Если единичные «плоды» борьбы с коррупционным поведением высоких должностных лиц периодически предъявляются гражданскому обществу как фигуранты уголовных дел, то упомянутый выше слой фактически остается без потерь и продолжает воспроизводить отработанную коррупционную схему. Противодействовать коррупции в пространстве бытия этого субъекта институциональной среде сложно, а гражданскому обществу практически невозможно. Управления собственной безопасностью существуют только в крупных ведомствах, и работа их не отличается высокой эффективностью.

Для реального противодействия коррупционным рискам необходимо иметь социологическую поддержку в формате надежных данных относительно личностных установок, позиций, ценностей, удовлетворенности жизненными условиями, защищенностью, социальным самочувствием целевых контингентов. К примеру анонимный опрос работников одной из федеральных служб показал следующее: крайне низкую степень удовлетворенности такими жизненными условиями как благосостояние семьи (50 % совсем не удовлетворены), социальная защищенность (53 %); решающими факторами, обуславливающими участие в выборах, госслужащие считают низкий уровень зарплаты (61 %), социальную незащищенность и неуверенность в будущем (50 %); соответственно наиболее эффективными мерами снижения уровня распространения коррупции сами госслужащие считают увеличение денежного содержания (87 %), обеспечение социальных и правовых гарантий (83 %), жесткий контроль в сфере кадровой политики (56 %), повышение персональной ответственности на всех уровнях (50 %).

Если институциональная среда реализует определенные меры, основываясь на подобных субъективных оценках, возможно, уровень «привлекательности» выборов снизится, а возможно и нет. Эксперимент не помешает. Возможно, как раз эксперимент подтвердит гипотезу о социально-психологической природе коррупции: есть мнение, что без понимания этой природы «любые институциональные прививки будут отторгаться существующей социальной тканью» [6]. К примеру, в упомянутом выше исследовании сотрудники среднего

управленческого звена федеральной службы отмечают, что большинство населения предпочитает вступать в коррупционное взаимодействие, не желая тратить время и нервы на законное решение проблем (более 70 % ответов), считают бесполезным обращаться в соответствующие органы для пресечения незаконных деяний (57 %). При этом среди них самих готовы к обращениям порядка 16 % и, оценивая эффективность службы собственной безопасности ведомства, 54 % считает ее деятельность бесполезной. Психологический фактор, мотивирующий на снижение риска от обращения с жалобой, грозящее нарушением «статуса-кво», пожалуй, в интерпретации данных как раз является решающим.

Службы собственной безопасности созданы в крупных федеральных агентствах и являются элементами все той же институциональной среды. Субъектам гражданского общества в такие структуры доступа нет.

В одном из исследований нам удалось создать базу данных опроса специалистов высшего уровня квалификации, которые имеют опыт административной и организационной работы непосредственно в отраслях, отличающихся высоким уровнем коррупционных рисков: образование, здравоохранение, строительство. Такие работники отлично информированы и так или иначе участвуют в реальном взаимодействии субъектов в их сферах деятельности; их оценки самым прямым образом связаны с «правилами» внутреннего распорядка. Главным критерием их отбора являлся именно опыт и знание «кухни» в заданной сфере. Опрос проводился в крупном мегаполисе методом личного формализованного интервью с полной гарантией конфиденциальности. Далее в статье анализируется часть информации, имеющая непосредственное отношение к установкам этих специфических респондентов на изменение ситуации.

Интересной представляется оценка уровня мздоимства внутри каждой сферы. Оценка распространенности такой практики, которую дают респонденты для сферы здравоохранения, составила 50 %, образования – 46 %, в сфере строительства – 70 %. Показательны данные, характеризующие оценки распространенности поборов на различных структурных уровнях: на самом высоком уровне управления, на уровне среднего звена, на низовом уровне организации и управления. Самый высокий показатель участия в коррупционных схемах по оценкам респондентов характерен для топ-менеджеров, средний показатель – характерен

почти в равной мере для всех, имеет место, скажем так, в тридцати случаях из ста, на низовом уровне управления и организации трудового процесса.

Около трети специалистов в той или иной мере согласны с тем, что поборы, взятки и «откаты» стали системой и механизмом функционирования тех сфер, к которым относится их трудовая деятельность. Порядка 70 % участников опроса отметили, что по *долгу службы* им за прошедший год приходилось преподносить подарки, 59 % – оказывать услуги, 44 % – давать деньги. Примечательно, что 84 % отметили, что «подношения» фактически выплачивались за выполнение должностным лицом его непосредственных обязанностей. Однако, 44 % респондентов приходилось оплачивать и услуги сверх должностных обязанностей чиновника.

В связи с этим целесообразно установить, что именно является предметом коррупционной схемы. Подчеркнем, что, распознавая то или иное событие как риск, то есть как потенциальную возможность потерь и лишений, субъект соотносит свое решение не с фактом и объемом ущерба, а с субъективной значимостью ущерба. Носителем этой значимости могут выступать самые различные предметы и ценности от денег и материальных ценностей до здоровья и жизни. Респонденты называют следующее: ускорение процесса принятия решения, гарантия качества услуги, избегание наказания, контроля, санкций, влияние на характер решения, за льготное распределение средств и оборудования, «выкуп» должности, статуса/категории учреждения, неформальные платежи за процесс оформления, лицензирования, регистрации.

Реальные намерения противодействовать коррупции оцениваются респондентами на уровне 20 % для всех социальных субъектов, перечень которых имелся в инструментарии, кроме ФСБ (55 %) и прокуратуры (44 %). Декларации, по оценкам респондентов, характерны для законодательной власти (87 %), исполнительной власти (59 %), федерального телевидения (63 %), федеральной прессы (66 %), общественной палаты (78 %), общественных организаций (54 %). Уверены, что рядовые граждане смирились с ситуацией, 85 % респондентов.

Приведенные данные интерпретируются как результаты опроса экспертов, а любой экспертный опрос, как известно, имеет определенные ограничения в применении процедур математической статистики. Справедливости ради стоит

заметить, что данные экспертных опросов зачастую анализируются и интерпретируются с использованием «тяжелых» средств статистического анализа, что огорчает, мягко говоря, социологов-методистов. Данные, приведенные в статье, автор не экстраполирует на все социальное пространство нашей страны, а рассматривает как обоснование научно-практической задачи изучения коррупционного взаимодействия как компенсаторного механизма снижения определенных рисков и угроз.

Тем не менее, подобные данные достаточно информативны и позволяют при перекрестном анализе получить вполне надежное представление об установках и позициях интересующего разработчиков целевого контингента респондентов. В связи с этим логично рассматривать в качестве основного объекта противодействия коррупционному поведению именно ту категорию, которая не всегда добровольно воспроизводит коррупционные схемы и поддерживает по сути повседневность этого феномена. Речь о менеджерах, организаторах, служащих среднего звена. Воздействовать на этот объект вполне может гражданское общество через «гражданское участие», а именно через неформальные организации, гражданские движения и инициативы, общественные средства информирования и коммуникации, а также через участие в муниципальных органах самоуправления. Считаю необходимым также эффективность антикоррупционных программ соотносить с взаимодействием гражданского общества и общественных объединений в различных сферах общества. Процесс уплотнения социальной жизни через самодеятельность общественных организаций идет очень медленно, тем не менее, положительные примеры есть [2], что свидетельствует о положительных тенденциях и широком поле исследовательской и практической работы.

Литература

1. *Закс В. А.* Социокультурные предпосылки коррупции // Государство и право. 2001. № 4. С. 52–55.
2. *Коррупция и борьба с ней: роль гражданского общества /* Под ред. М. Б. Горного. СПб.: Норма, 2000.
3. *Левада Ю.* Человек в корруптивном пространстве. Размышления на материале и на полях исследования // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 5. Сентябрь – октябрь. С. 7–14.

4. *Мозговая А. В.* Российские предприятия в условиях рынка // Российское предпринимательство: стратегия, власть, менеджмент. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2000. С. 110–126.

5. *Радаев В. В.* Российский бизнес: структура транзакционных издержек // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 5–19.

6. *Сатаров Г. А.* Тепло душевных отношений: кое-что о коррупции // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 18–27.

CORRUPTION RISKS SOCIOLOGICAL ANALYSIS: SUBJECTS OF PRODUCTION AND SUBJECTS OF RESISTANCE

Mozgovaya A. V. (Moscow)

Abstract. *Scientific and practical opportunities of the treating corruption basing upon sociological conceptualization of risk are provided in the article. The increasing of scientific interest according the problems of risk adaptation and risk management the author considers the result of social and economic transformation in Russia. Corruption in its nature presents the social dis-function, high level of criminalization of social relations, social risk, strategical threat. Basing upon the main criterions of risk identification the author considers corruption as subject-subject relations the goal of which is reducing of uncertainty, increasing the result positive character through different recourses. The opportunities of such approach are illustrated by two research surveys data and makes it possible to provide the point of the principal productiveness to create some concrete anti-corruption projects for different social groups with social participation of the civil society.*

Keywords: *corruption, risks, resistance, vulnerability, recourses, social participation.*